

Olga Ermakova

Semantičeskie processy v russkom âzyke na rubeže vekov

Acta Neophilologica 8, 23-32

2006

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Ольга Ермакова

Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny im. K. E. Ciołkowskiego
w Kałudze

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Последние десятилетия XX века принесли России множество значительных перемен, которые не могли не отразиться в языке.

Если язык – это свидетель и хроникёр всех общественных изменений, то в первую очередь таким свидетелем оказывается лексика, лексическая семантика.

Конец XX века характеризуется удивительной динамичностью изменений в языке под воздействием общественных событий. Некоторые процессы, обусловленные в первые годы перестройки заметно возросшим в то время интересом к политике в разных категориях социума (политизация и деполитизация лексики, деидеологизация, архаизация советизмов), уже неактуальны в конце 90-х.

На рубеже веков в сфере лексической семантики наблюдаются разные явления, при этом одни имеют характер вполне определившихся процессов, другие представляют собой лишь наметившиеся тенденции.

Основные семантические изменения происходят в настоящее время либо при смене стилевых регистров, либо при интеграции литературной и нелитературной лексики.

Многие семантические процессы в той или иной степени рассматривались разными исследователями, в частности – деидеологизация лексики в языке постсоветского периода (см. [Склярская 1991], [Купина 1995], [Ермакова 1996, 1997, 2000]), и в этой работе рассматриваться не будут. Некоторые, уже не раз отмечавшиеся явления будут лишь упомянуты и прокомментированы.

Среди наиболее активных семантических процессов последнего времени можно выделить следующие.

1. Перераспределение активности прямых и переносных значений у некоторых лексико-семантических групп.

2. Расширение значений как наиболее активный процесс, нередко приводящий к дефразеологизации лексического значения, к превращению идентифицирующих имён в предикатные.

3. Развитие частичной энантиосемии у разных групп лексики.

4. Образование новых семантических оппозиций.
 5. Универсализация модных оценок.
 6. Активизация некоторых типов метафор, отражающих оценку современного состояния общества.
- Остановлюсь лишь на некоторых процессах.

Перераспределение активности прямых и переносных значений в некоторых группах лексики

Было замечено, что в определённые эпохи некоторые тематические группы активизируют прежде всего свои переносные значения, в то время как употребление их прямых заметно суживается [Шмелёв 1968: 96]. Это, в частности, отмечалось в сфере конфессиональной лексики (семантическими архаизмами, как правило, оказываются прямые значения, что чаще всего объясняется социальными причинами).

Но в настоящее время в группе конфессиональной лексики наблюдается обратное явление – выдвигание на первый план прямых значений. Ср. современное употребление слов *креститься*, *исповедоваться*, *отпевать*, *причащаться*, *поститься*, *благословлять*, *освятить* и т.д.

Но наряду с этим происходит всплеск семантики, отражающей веру людей в чудеса, сверхъестественное, активизируются прямые значения слов, называющих явления, всегда осуждавшиеся церковью, но всегда уживавшиеся в сознании народа с религиозными догмами. Некоторые слова до недавнего времени сопровождалась в словарях пометами „устар.“ и „в суеверных представлениях“ и активно использовались в переносных, прежде всего метафорических значениях. *Колдун*, *порча*, *сглаз*, *приворот*, *отворот*, *заговор*, *ворожба*, *ведьма*, *домовой*, *ясновидение* (-ец, -ица) или *ясновидящий* (-ая), *знахарь*, *чревоещатель*, *привидение*, *вампир* и т.д.,

Под влиянием общественных изменений деархаизируются **прямые** значения слов *чиновник*, *бюрократия*, *фискал*, (*фискальная служба*), *полиция* (*налоговая полиция*) и др., еще недавно употреблявшиеся по отношению к российской действительности в качестве оценочных слов со знаком минус.

Активизация той или иной тематической группы, как правило, питает некоторые семантические процессы. Так, активное употребление слов, связанных с предопределённостью судьбы человека, его жизненного поведения, характера рождения под определённым созвездием Зодиака, обусловило развитие метонимической модели: ‘созвездие’ – ‘лицо, рождённое под знаком этого созвездия’: *Водолей*, *Стрелец*, *Скорпион*, *Телец* и др. – о людях. Поскольку все играют в гороскоп и по восточному календарю, аналогично употребляются и *Тигр*, *Змея*, *Крыса* и т.п. В разговорной речи очень часты высказывания: *Конечно, их брак не может быть удачным: Змея и Обезьяна не сочетаются. Тельцы – самые хорошие мужья* и т.п.

Расширение значений

Среди собственно семантических процессов, приводящих к изменению значений слов и существующих с древних времен – метафоризации, метонимизации, расширения, сужения – в настоящее время, на наш взгляд, первое место занимают процессы расширения значений. Метафоризация не порождает новые модели, активное использование метафор в публицистике в большей части опирается на традиционные модели, характерные и для языка 19 века. А самое главное – публицистические метафоры остаются преимущественно в пределах контекста. Новых метафорических значений, которые вошли бы в язык, почти нет, тем более тех, которые определяли бы „семантическое лицо эпохи” – ср. типичные для страны с „диктатурой пролетариата” публицистические метафоры – *подковать, подкованный, перековка, винтики, закручивать гайки, рычаги управления, спать коллектив, сцементировать общество* и др.

Расширение значений, наблюдающееся в настоящее время, может быть обусловлено чисто социальными факторами, может быть следствием других процессов – семантических, словообразовательных и пр.

1. Расширение значений может быть одним из проявлений процесса детерминологизации и деполитизации (о детерминологизации лексики в начале XX в. см. [Грановская 1981]). Это наблюдается, в частности, в словах *фигурант, пользователь, выдвигенец, расстрелять, казнить* и др. Прежние значения: *фигурант* – ‘статист’; *пользователь* – ‘лицо, у которого в пользовании находится какое-либо имущество’; *расстрелять* – ‘привести в исполнение высшую меру наказания’. Современные: ‘тот, кто где-то, как-то фигурирует’; ‘тот, кто пользуется чем-то’; ‘подвергнуть обстрелу’ и т.д.

2. Расширение значений при освоении жаргонизмов и аргоизмов как выражение декриминализации лексики. При этом наблюдается закономерность: при освоении литературным языком жаргонизмов и особенно аргоизмов чаще всего происходит расширение значений (конечно, некоторая часть слов может остаться неосвоенной, и тогда аргоизмическая лексика оказывается в роли своеобразных экзотизмов). В арго и жаргоне, напротив, слова из литературного языка осваиваются обычно на основе сужения, часто с включением криминального компонента (ср. *статья, срок*). Расширение значений характерно прежде всего для глаголов. Ср. *завязать, заложить, сдать, стучать, наезжать, доить, шить, пасти, засветить, расколоть, прессовать* и др.

Наблюдаются следующие механизмы расширения:

- за счёт увеличения круга объектов при переходных глаголах: *завязать* – ‘прекратить преступную деятельность’ → ‘прекратить любую деятельность’;
- путём вычёркивания семы ‘средство’, ‘способ’: *доить* – ‘вымогать деньги путём угроз, шантажа’ → ‘вымогать, выпрашивать’;
- путём изменения (расширения) адресата действия: *стучать* – ‘доносить, сообщать о чём-либо в органы госбезопасности или в партийные организации’ → ‘сообщать кому-то’.

3. Расширение значений как результат повторной реализации словообразовательных моделей.

Такой результат наблюдается у отагдъективных и отглагольных существительных, называющих лицо или предмет:

- *бесплатник, льготник, наёмник, испытатель, частник* и др.;
- *временка, фальшивка, колочка, плетёнка, мигалка, липучка, зелёнка, пустышка, вертушка* и др.

Степень расширения может быть различной, в некоторых случаях происходит полная дефразеологизация значения, слово из идентифицирующего становится предикатным.

Любопытно, что слова этого типа по мере расширения значения могут проходить путь: однозначность → многозначность → однозначность. При этом от одного конкретного значения к одному широкому дефразеологизированному. Так, слово *фальшивка* первоначально обозначало лишь 'фальшивые деньги'. В последнее время фальшивкой помимо фальшивых денег называют любые фальшивые документы, поддельные товары (водку, вино, шоколад, косметику, одежду и т.д.), произведения искусства, неверные сведения или источники. Словом – любую подделку. Таким образом, значение этого слова можно определить как 'нечто фальшивое, поддельное'.

4. Расширение значений как следствие отрыва от прежнего денотата (гиперонимизация и замена одного гипонима другим).

Это явление характерно в настоящее время в первую очередь для некоторых групп конкретно-предметной лексики, хотя свойственно и не только ей. В ряде случаев можно наблюдать, как слово начинает применяться к разным обозначаемым, весьма далёким от прежнего денотата, который „предписывался” слову словарно закреплённым значением. Это отмечается у некоторых названий ёмкостей, продуктов, отчасти одежды и др.

Отрыв от прежнего денотата из-за постоянного расширения денотативного пространства нередко приводит к **гиперонимизации** значений. Так слово *коктейль* фактически стало употребляться со значением 'смесь' (любая), *контейнер* – 'разного рода вместилище'; *ниша* – 'место' (в экономике, политике и т.д.), *контора* – 'любое учреждение' и т.д. Ср. ниша рынка, в политической жизни, в экономике, в культуре, на телевидении, на эстраде и т.д. Контейнером называют ёмкости от мусорных баков во дворах до разных мелких коробочек, пробирок, в которые что-то помещается.

В других случаях отрыв от прежнего денотата выражается в вытеснении одного гипонима другим. Отошли от денотата, известного из словарных толкований такие названия одежды, как *пиджак, жакет, сюртук, майка, тенниска, свитер* и др. Гипоним *пиджак* вытеснил употребление слов *жакет, сюртук* и др.; *свитер* относится и к денотатам слов *пуловер, джемпер. Майка* – это и женская, и мужская одежда, нижняя и верхняя и т.д.

Отрыв от прежнего денотата и неполное обретение нового наблюдается у слов *пакет, балык, брынза, красная рыба* и др. *Пакет* словарями определяется как

‘бумажный свёрток, упаковка с чем-нибудь’ или ‘бумажный мешок для продуктов, кулёк’ – *Пакет с крупной, молоко в пакетах*. *Пакетом* называют сейчас полиэтиленовые мешочки для упаковки продуктов и многих других вещей и *полиэтиленовые сумки* (мешочек с ручками). Ср.: *балык* (*селёдочный балык, балык из сома, балык* – о варёном или копчёном мясе (в магазинах нам встретились и такие употребления: *балык свиной, балык семейный* – из говядины и свинины). Ср. данные словарей: *балык* – ‘солёная и провяленная хребтовая часть красной рыбы’; *Красной рыбой* народ называет рыбу с красным или розовым мясом, а вовсе не рыбу семейства осетровых (как это всегда было). Словом *брынза* в настоящее время называют продукт, весьма отдалённо напоминающий овечий сыр и по материалу, и по способу приготовления (изготавливается из коровьего молока и, очевидно, иначе).

Развитие частичной энантиосемии

Одним из видов частичной энантиосемии является совмещение в одном слове значений агенса и пациенса одного и того же действия. Ср. *отказник, переселенец, тюремщик* и др. Ср.: ‘тот, кому отказали’ – ‘тот, кто от чего-то отказался’; ‘тот, кто переселился’ – ‘тот, кого переселили’; ‘тот, кто надзирает за заключёнными’ – ‘тот, за кем надзирают, заключённый’ (или ‘бывший заключённый’; из просторечия).

Современное употребление слова *монстр* со знаком минус и со знаком плюс (ср. *монстры шоу-бизнеса*) – пример оценочной энантиосемии.

Сочетание противоположных прагматических компонентов (желательного и нежелательного результата) наблюдается в разговорной речи (и в прессе) у глаголов *заработать, схлопотать, засветиться, обещать* и многих других. Ср. *заработать деньги – заработать insult, обещать повышение зарплаты – обещать повышение цен* и т.п. В развитии этого типа энантиосемии большую роль играет усиление роли иронии в современной публицистике [Ермакова 2002].

Тенденции в сфере публицистической метафоры

За последние десятилетия в литературном языке не появилось новых метафорических моделей. Наблюдается лишь расширение разных метафорических полей за счёт новых групп лексики. В то же время можно определённо отметить активизацию некоторых типов метафор, отражающих восприятие людьми современных общественных явлений.

Многие тематические группы метафор, чрезвычайно активных в языке с начала перестройки, в настоящее время встречаются лишь эпизодически. Так чисто перестроечные ключевые метафоры (хотя возникли они гораздо раньше) – *государство* – ‘дом’, ‘здание’, *перестройка* – ‘строительство нового здания на месте старого’, породившие метафорическое употребление слов *крыша,*

коридоры, фундамент, стропила, архитектор, прораб и др., утратили свою актуальность в настоящее время. Представление о реформах как о движении по дорогам России – когда в метафорическое поле втягивались названия разных транспортных средств – *поезд, локомотив, корабль, телега, лодка* и др. – остаётся в сознании публицистов, поскольку представляет собой лексическую транспозицию одной из „вечных” метафор, рождённых в художественной литературе прошлых веков – представление жизни человека как „путешествие по морю житейскому” (ср. и современное *грести, сидя в одной лодке*).

По-прежнему используется слово *локомотив* как ‘движущая сила’, но не только по отношению к развитию экономики. Ср.: *Главные тягловые силы калужской экономики в общем-то известны. Это промышленные предприятия, пищевая отрасль, банки. Это одни из основных региональных локомотивов* (АиФ, 25, 2002); – *А КПРФ, а борцы с „антинародным режимом” – Зюганов, Шандыбин? – Они – как один из героев „Горя от ума”: шумим, братец, шумим...; КПРФ перестала быть локомотивом протеста* (АиФ, 32, 2002).

В тех же образах, которые в 90-х годах использовались при характеристике неудач в реформировании экономики (*корабль реформ зашёл в туиковую гавань, машина реформ буксует на российском бездорожье*), в последние годы рисуются картины неудач в чеченской войне. Ср.: *Ещё вчера и.о. президента просто купался в народной любви и поддержке – но стоило отечественной военной машине чуть забуксовать на чеченском бездорожье, а партии власти сделать КПРФ своим союзником в Думе, как ситуация резко изменилась* (КП, 25.01.2000).

По-прежнему активны метафоры из тематического поля *болезнь*. Как уже отмечалось [Ермакова 1996], этот тип метафоры не родился в постперестроечной прессе: восприятие общества как организма, который надо лечить, было свойственно и публицистике XIX века, но активизировалось это метафорическое поле, естественно, только в постсоветский период: советское общество отличалось отменным здоровьем.

Чаще всего используется тот же круг „болезненных метафор”, что и в 90-е годы: само слово *болезнь, инфекция, вирус, паралич, коллапс, аллергия, спазмы, апоплексия, головная боль* и др. В связи с общей жаргонизацией языка, довольно активно стало использоваться слово *геморрой* (очевидно, из аргю) в значениях: ‘боль’, ‘беда’, ‘забота’, ‘провал’, ‘неудача’. *Словарь Тюремно-лагерного жаргона* приводит это слово со значением ‘неудача’, ‘провал’ (СТЛЖ, с. 55), *Словарь Московского аргю* В. С. Елистратова – со значением ‘что-л. тяжёлое, нудное, скучное, неприятное’ (Елистратов, 1994, с. 87).

Приведу лишь некоторые примеры употребления метафор из тематического поля – *болезнь* в прессе последних лет.

Варварство – это социальная инфекция (Ог., май 2002); *Вторая [причина распада СССР. – О.Е.] – „информационный вирус” зависти, в полную силу проявивший себя в конце 80-х – начале 90-х* (АиФ, 49, 2001); *Пульс перемен грозит исторической апоплексией* (НМ., 3, 2001); *Спазмы кризисов; Коллапс мировой торговли* (НМ., 3, 2001); *метастазы исламского терроризма и сепаратизма*

(КП, 12.04. 2002); – *Один военный чиновник как-то мне сказал: „Чечня – это наши геморрой* (Окл., 10.2001, М. Задорнов, *Фантазии сатирика*). – *В моём журнале, как всегда, геморрой, извини, вернусь поздно* (Д. Донцова).

Как явствует из примеров, болезненные явления наблюдаются в экономике, политике, внутри системы правоохранения, как тяжёлая и грязная болезнь оценивается война в Чечне.

Некоторые тематические группы лексики, вовлекаемой в метафорические поля, стали активизироваться преимущественно в последние десятилетия. Одна из них лексика, связанная с тематическим полем *вода*. Метафоры, возникшие на базе этой лексики, многочисленны и значительная их часть совсем не новы. Это преимущественно глагольные метафоры, в основе которых давнее сравнение жизненных изменений с движением воды.

Стершаяся метафора *утечка* (информации) в своё время породила *утечку мозгов* (об эмиграции видных учёных).

Больше всего метафор этого поля образно представляет движение денег – *деньги* (*доллары, миллионы* и т.д.) *текут, утекают, перетекают, вливаются, сливаются, капают, плывут, уплывают, всплывают, образуют финансовые потоки, оттоки капиталов*:

В казну, конечно, что-то поступило, но основное закапало в чьи-то карманы (КП, 18.04.2000); *Сейчас долги местных властей перед своими бюджетниками – больше 5 млрд. руб. В 39 регионах задержка уже перевалила за месяц. Так что каждый день „капает” по 4 миллиона 250 тысяч рублей* (АиФ, 8, 2002).

В современной публицистике и разговорной речи широко используется образ воды как неуправляемой стихии. Отсюда глаголы *плыть, уплывать, утекать, всплывать, проливаться, захлестнуть, захлебнуться, тонуть*, выражения–фразеологизмы *смыть волной, накрыть волной* и т.д. представляют современную общественную жизнь как процессы, происходящие стихийно, неуправляемо:

Борис Ельцин оказывается во всё более и более сложном положении. Власть из его рук перетекает в руки премьер-министра, а из них – к левым (НГ, 11.03.99).

Другая группа метафор, связанная с тематической группой *вода*, основана на коннотации ‘очищение’: вода смывает грязь – отсюда распространившееся лишь в постсоветское время выражение *отмывать деньги* – ‘легализовать деньги, нажитые незаконным путём’ (эта метафора была активна уже в 90-х годах).

Речь идёт о причастности семьи президента к отмыванию денег нефтяных компаний (Нов. газ. 8–10 июля 2002); *Отмывание „грязных” денег – угроза цивилизации* (Нов. газ. 15–17 июля 2002, Ю. Щекочихин).

Ср. также *Большая стирка* – название телепередачи.

У глагола *отмывать* при метафоризации сохраняется характер семантической валентности – действие направлено на неодушевлённый объект, метафорические значения глаголов *промыть, стирать, полоскать* имеют в качестве объекта только имена лиц или соответствующие им личные местоимения. Идея очищения в этой группе глаголов *стирать, полоскать, промывать* преобразуется в свою противоположность. Они метафорически обозначают ‘грязнить’, ‘чернить’.

Уже откровенно связаны с „грязным делом” глагол *сливать* и его производное *слив*. В основе семантики этой метафоры действие ‘сообщать’, но сообщать тайно, предательски и нередко (хотя не обязательно), что-то грязное, порочащее человека, компромат. И хотя *слив* в прямом употреблении не обязательно связан с канализацией, ассоциации с ним возникают именно такие:

Он [Г. Павловский], *наверное, по знакомству „сливает” вам кое-какую информацию?* – *У нас предостаточно информаторов. Глеб Павловский к ним не принадлежит.*

– *Но всё-таки „сливами” пользуетесь?*

– *А как без этого? Если видим, что информация достоверна, публикуем (КП, 23.06.99); Осведомлённые источники „НГ” предполагают, что массированный „слив” информации в прессу произойдёт, скорее всего, ещё до начала этого месяца (НГ, 7.04.99).*

Как можно заметить, почти все метафоры в русском языке конца века представляют довольно мрачное состояние российского общества. В значительной степени это связано с тем, что человек всегда скорее и острее реагирует на негативные стороны жизни, а публицисты преимущественно о них пишут. Но наша задача и состоит в том, чтобы показать, как и из чего черпает язык конца XX века средства образной картины мира.

Семантические оппозиции как отражение жизни российского общества в последние десятилетия XX века

Социальные изменения, находящие отражение в языке, как правило, способствуют разрушению старых семантических оппозиций и образованию новых. Изучение семантических оппозиций – один из продуктивных путей проникновения в сущность языковых и социальных процессов, породивших эти изменения.

Показательны в этом отношении семантические оппозиции местоимений, которые последовательно выстраивались в официальной печати советского времени: *я – мы, мы – они, наши – не наши, свой – чужой, здесь – там* и др. [Крысин 1989: 59]; [Markovski 1992: 146]; [Купина 1995: 69, 91]; [Ермакова 1997: 145–153], а также разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой, в частности, семантические оппозиции слов *коммунист – демократ, коммунист – большевик, демократ – патриот, левый – правый* в постсоветский период [Ермакова 1996: 60–63].

Известно, что антропоцентричность языка предопределяет особое положение имен лиц. Они всегда находятся в центре системы языка и внимания говорящих.

Поэтому изменение семантических оппозиций в сфере имен лиц даже в небольшом участке языкового пространства могут представить некоторые особенности состояния российского общества, в том числе и культурно-речевую ситуацию.

Актуальные в настоящее время семантические оппозиции отражают самые разные языковые и социальные процессы: нейтрализацию прежних стилевых контрастов, старое и новое идеологическое противостояние, „изоморфизм” властных и криминальных структур и другое.

В семантических оппозициях нередко обнаруживается, как слиты воедино социальные и языковые процессы. Так, активизация оппозиций некоторых имен лиц по признаку пола *боевик – боевичка; снайпер – снайперша; заказчик – заказчица* (о людях, заказавших убийство); *проститутка – проститут; депутат – депутатша; бизнесмен – бизнесменша; гувернер – гувернантка* и даже „чайник” – „чайница” (о непрофессионалах за рулем – в жаргоне) – в определенных случаях свидетельствует о новых социальных явлениях в жизни российского общества и об усилении регулярности модификационных образований в языке.

Семантические оппозиции позволяют увидеть и ту фоновую семантику (подчас целое семантическое поле), которая обусловила эту оппозицию, и нарождающиеся коннотации у противочленов (одного из них) и ряд скрытых смыслов и аллюзий.

Существуют два типа оппозиций: тип А – Б и А – не-А (ср.: *избранник – назначенец* и *бюджетник – не-бюджетник*).

Семантические оппозиции *человек – мужчина, хозяин – реализатор, сыщик – преступник, бюджетник – не-бюджетник, натурал – не-натурал, шестидесятник – не-шестидесятник* и др. были рассмотрены нами в работе *Семантические оппозиции как отражение жизни российского общества в последние десятилетия XX века* [Ермакова 2003]. Здесь позволю себе лишь некоторые замечания.

Освоение литературным языком жаргона отмечают все лингвисты, изучающие языковую ситуацию в России конца XX века. Взаимодействие кодифицированной речи со сферой просторечия прежде всего в области семантики протекает несколько менее активно, но тем не менее заметно. Приведу один пример: оппозиция *человек – мужик – мужчина*.

Слово *мужик* в значении ‘мужчина’ в толковых словарях до сих пор сопровождалось пометой ‘прост’ (См. Ож. и Шв., 94). Однако оно все чаще так употребляется в разговорной речи и публицистике в чисто номинативной функции и составляет в настоящее время конкуренцию слову *мужчина*, как член оппозиции с разговорной окраской (но уже не просторечной).

В предикатной функции слово *мужик* составляет оппозицию и слову *человек* и слову *мужчина*: *Он хороший (настоящий, отличный, честный и т.д.) мужик*.

В отмеченной оппозиции *сыщик – преступник* произошла реабилитация слова *сыщик*, оно утратило отрицательные коннотации. Интересно, что ведущую роль здесь сыграли не реальные представители этой профессии, а герои из мира вымысла (детективных романов, фильмов).

Библиография

- Грановская Л.М. (1981). *Развитие лексики русского литературного языка в 70-е годы XIX – нач. XX в.* W: *Лексика русского литературного языка XIX – нач. XX в.* М.
- Ермакова О.П. (1997). *Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов.* W: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык.* Opole.
- Ермакова О.П. (2002). *Ирония и проблемы лексической семантики.* Известия АН Серия литературы и языка, т. 61, № 4.
- Ермакова О.П. (2003). *Семантические оппозиции как отражение жизни российского общества в последние десятилетия XX в.* W: *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich.* Warszawa.
- Купина (1995). *Тоталитарный язык.* Екатеринбург – Пермь.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995).* М. 1996.
- Скляревская Г.Н. (1991). *Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа.* W: *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики.* М.
- Шапошников В.Н. (1998). *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отношении.* М.
- Markowski A. (1992). *Polszczyzna końca XX wieku.* Warszawa.
- Zybatow L. (1995). *Russisch im Wandel (die Russische Sprache seit Perestrojka).* Wiesbaden.

SUMMARY

The semantic processes in the Russian language on the turn of the 20th century

The authoress discusses semantic processes in the modern Russian language as a feature of the democratization of the language. Those processes – the subject of the authoress' researches – are caused mainly by changes in the social and political system and also by changes in the ideological orientation of the country. The authoress ascertains the disappearance of the difference between the literary norm and the various spheres of linguistic communication, especially of current speech.